

⁹ Как полагает американский профессор А. Мартин, Россия рухнула в пропасть революции именно вследствие слабой адаптации крестьянской массы к городской жизни и разобщённости горожан, заметно отличавшихся друг от друга сословной принадлежностью, имущественным положением и т.п. (Мартин А. Просвещённый метрополис. Созидание имперской Москвы. 1762–1855. М., 2015. С. 396–399).

¹⁰ Подробнее см.: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 57; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1979. С. 31, 48; Соловьёв К.А. Кружок «Бе-

седа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009; Егоров А.Н. Проблемы взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2; Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010; Шамхалов Ш.А. Сущностные характеристики нового либерализма как идейно-политической платформы кадетов // Власть. 2011. № 4; и др.

¹¹ ГА РФ, ф. 670, оп. 1, д. 335, л. 1–2.

¹² Там же, ф. 5913, оп. 1, д. 794, л. 8.

¹³ Шелохаев В.В. Дневник историка. М., 2013. С. 270.

Фёдор Гайда

Рец. на: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с., ил.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1917 gg. Moscow, 2015

Издание дневников Л.А. Тихомирова успешно продолжается¹, и теперь читатели получили возможность в полном объёме познакомиться с его записями, сделанными в период Первой русской революции. Ранее они публиковались лишь частично². Дневник живо отражает настроения разочарованного русского интеллигента, пытающегося оставаться одновременно и консерваторм (приверженцем самодержавия), и прогрессистом. Не случайно он сравнивает себя с маркизом Ж.-А. де Кондорсе, который писал свой знаменитый «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain») «среди безумной революции», скрываясь от якобинской полиции. Пространный тихомировский «эскиз» «Монархическая государственность», завершённый в 1905 г. и тогда же опубликованный (в основном на средства художника В.М. Васнецова), претендовал на тот же размах и ту же цельность картины. «Вот и моя работа как раз ищет этот *esprit humain* и ведёт его к “прогрессу”, — отмечал Лев Александрович в дневнике 10 января 1905 г. — Кондорсе хоть и

потерял голову, но успел дописать книгу... Успею ли я?» (с. 41). «Я хотел и хочу разума, справедливости и человечности», — восклицал он 10 месяцев спустя. И тут же с горечью признавал: «Во всяком случае, для меня (здесь и далее курсивом выделены фрагменты, подчёркнутые автором дневника. — Ф.Г.) нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее» (с. 154).

При этом самооценка Тихомирова была исключительно высока: «Я — едва ли не лучший в России редактор и один из лучших публицистов» (с. 392). И тем более угнетало его то, как обращались с ним единомышленники: М.А. Новосёлов собирался публично читать написанную Тихомировым лекцию (скрыв его авторство), «ловкий организатор» и издатель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут оплетал Льва Александровича «как лиана» (с. 72, 374). Неудивительно, что дневник наполнялся сетованиями: «Немного обидно, что столько идей пускается в ход от меня, а я — остаюсь не только в неизвестности (это бы ещё не беда), а каким-то изгоем, от которого отворачиваются те самые люди, которые восторгаются моими записками (“Русская народная интелли-

генция” и “О современных задачах России”. — Ф.Г.), не зная, что они мои. Такой уж мой “крест”» (с. 48). Обратной стороной непопулярности оказывались материальные трудности и безденежье. Между тем Тихомиров, испытав нужду в 1880-е гг., был весьма прижимист. Имея на нескольких банковских счетах около 13 тыс. руб. (с. 284–285), он постоянно вёл счёт деньгам (на страницах дневника отразились даже копеечные расходы) и кропотливо учитывал, сколько было роздано различным людям на Рождество и Пасху, хотя и с оговорками: «Расходов по пасхальной трапезе, а также на церковь не считал, как-никак» (с. 78).

Со своей стороны, не избалованный вниманием публики, стареющий (в начале шестого десятка), часто болеющий и невероятно тщеславный публицист не видел вокруг себя достойных общественных деятелей. Во всяком случае, на страницах дневника практически все правые монархисты характеризовались им как дураки и эгоисты. Он отказался от вступления в Монархическую партию Грингмута, которого всё же «любил... несмотря на все свои критики» (с. 83, 387). «Курьёзные» письма С.А. Нилуса казались ему смешными (с. 152). Лидера Союза русских избирателей Юго-Западного края П.Н. Балашёва он считал слишком трусливым и внутренне зависимым от правительства (с. 290). Черносотенный «Колокол» и вовсе вызывал только негодование: «Такая скотина в расчётах, что и писать ему не стоит» (с. 278). Итог был печален: «Вообще тяжко существование! И — замечательно: совесть у меня (в общественном, политическом смысле) чиста, как у немногих, но и менее популярного, более одинокого, с бóльшим количеством врагов, с меньшим числом друзей — трудно, я думаю, сыскать человека. Моё несчастье — независимость. Не могу войти ни в одну партию, не могу никому подчиниться, не могу принять ничьей программы. Вот и одиноко!» (с. 90). Впрочем, Тихомиров отчётливо осознавал, что отчасти сам виноват в своём одиночестве: «Я не хочу никому служить. Я хочу делать только то, что сам считаю справедливым... И выходит, что люди не хотят меня, а я не хочу людей» (с. 376). Оставалось лишь «одно универсальное презрение» (с. 385).

Успешно выступив в апреле 1906 г. на Съезде русских людей, Тихомиров, готовясь к следующему докладу, писал: «Сильно напряжение национального чувства. Но понимание политическое узко, боюсь — даже слишком узко. Мой доклад будет резкой *пробой*: понимают ли монархию или не понимают?» (с. 232). Разумеется, никакого иного понимания, кроме тихомировского, при этом не допускалось.

Собственно и сам Николай II вовсе не соответствовал монархическому идеалу, о котором мечтал Тихомиров (с. 47, 113). «Государь “молится и плачет”...», — ворчал он в дневнике. — Не умеет сделать, что нужно, и ведёт себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-франко-немецкой интеллигенции» (с. 28). Действия Николая II не раз повергали Льва Александровича в недоумение. «Станный человек!» — восклицал он. (с. 92). Не было у царя и достойных помощников. Даже Д.Ф. Трепов, выделявшийся своими волевыми качествами, мало на что годился.

Но, пожалуй, жёстче всего Тихомиров осуждал правительство. «Конечно, — утверждал он, — Россия — погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но всё это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству» (с. 45). 1 января 1905 г. автор дневника негодовал: «Как всё глупо, что ни сделают! Ну, уж если это правительство не умудрится погибнуть, то — значит, Россия может жить вовсе без правительства» (с. 27). «Правду сказать, — добавлял он через 3 дня, — уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее» (с. 28). Желание это соответствовало тогда настроениям всей передовой русской интеллигенции. При этом вся ответственность за грядущую катастрофу возлагалась на государственный строй и правящие круги империи: «Так называемые консерваторы — либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и... презирают “сермягу”... Ну, а сермяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и царя и народ» (с. 29). В ноябре 1905 г. Тихомиров констатировал: «Вот бюрократия и съела царя. Ведь это чисто чиновничья революция.

“Пролетариат”, по обыкновению, таскает каштаны для политиканов. Любопытное историческое явление этот переход бюрократической узурпации в политиканскую» (с. 161).

Первоначально Тихомирову казалось, что С.Ю. Витте сможет осуществить в России такие «общие» реформы, которые предотвратят или отдалят революцию (с. 43). Прочитав в феврале 1905 г. письмо, в котором А.А. Киреев передавал ходившие в Петербурге слухи, будто «Витте (ещё весной) хотел устранить Государя и заменить Михаилом Александровичем в качестве регента», Тихомиров решил, что «у них там Витте один имеет здравый смысл» (с. 52). Рассуждая о стремлении Сергея Юльевича к власти и его намерении стать сёгуном при бессильном императоре или президентом республики, московский монархист заключал: «Если бы он был хоть чуточку русский, ему, скорее всего, можно было бы пожелать прочной власти, конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает). Но его власть если и даст порядок и некоторую свободу, то ценой господства жидовства и всякой инородчины» (с. 67–68).

Но, узнав о заключении Портсмутского мира, Лев Александрович уже не скрывал разочарования и возмущения действиями Витте. Уступки русских дипломатов были, по мнению Тихомирова, опаснее созыва Булыгинской Думы и избирательного закона, который «отдаёт Россию во власть инородцам». «А вот где горе: на Востоке! – утверждал он. – Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдаёт японцам Маньчжурию, подрывает престиж... Подлый жид! Но вот уж этого не поправишь! Как Япония заберёт Корею и Китай, так Россия – мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности на Дальнем Востоке» (с. 94). Войну с Японией публицист воспринимал мистически, видя в ней борьбу христианства с земным богом – антихристом (с. 471). Соответственно и образ Витте приобретал теперь в дневнике демонические очертания: «Этот император – великое орудие гнева Божия

для погубления России. И во всех его гибельных поступках постоянно душой оказывается Витте» (с. 149). Для Тихомирова «монархия погибла в Портсмуте», но, возможно, он чувствовал всю надуманность данного суждения, признаваясь: «Я удивляюсь сам себе, что, прекрасно видя, что *смерть*, – всё-таки до сих пор обманываю себя надеждами на *воскресение*» (с. 243). Впрочем, вскоре дальневосточные сюжеты практически исчезают из его записей, и он опять сосредоточивается на революции, которая, как ему представлялось, в 1906 г. лишь набирала размах. Во всяком случае, узнав в августе о программе правительства П.А. Столыпина, Тихомиров отметил: «Задача этих великих людей – силой власти насадить парламентаризм... Внутреннее противоречие, смесь трусости, произвола и политической слабости мысли» (с. 268).

Однако переворот 3 июня 1907 г. и личное внимание со стороны главы правительства вновь воодушевили Льва Александровича. Не без колебаний он даже принял предложение «на 55 году жизни, при полном одряхлении» поступить на службу в Главное управление по делам печати. Впрочем, в Петербурге ему было неуютно, он постоянно жаловался на невнимание со стороны Столыпина и упрекал его в склонности к декларациям, не опирающимся на реальные дела. Страна же, по мнению Тихомирова, нуждалась в национальном вожде (с. 373–375, 378–379, 387, 389, 401, 404–406, 408–409, 411).

Тихомиров отнюдь не выступал против реформ и даже поддерживал создание народного представительства. «Правительства не только нет, но, кажется, не может быть, – полагал он. – А так как страна погибает, то правительство должно возникнуть – *снизу*... Но и это трудно представить без отчаянной резни... Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть, как национальное собрание. Но это ещё труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход – революция» (с. 71). Впрочем, Тихомиров предвидел, что и Земский собор «будет состоять из той же дряни, как чиновники (даже и лица будут наполовину те же)»

(с. 88). Плохо было и то, что Дума появлялась «из трусости» и «в виде уступки» (с. 94). Но страшнее всего казались тогда хаос и анархия. Из того, что «Россия недостаточно развита для реформы», Тихомиров делал логический вывод: «Поэтому все видимые шансы говорят, что нас ждёт весьма нелепая революция... Я говорю “нелепая”, потому что у неё нет общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления, временно союзные... Они все союзники по разрушению “существующего строя”, но не по созиданию» (с. 100). «Пожалуй, Учредительное собрание могло бы быть полезным, — казалось ему в конце осени. — Но и его не соберёшь в такой смуте» (с. 157). «Может быть, — размышлял он в декабре 1905 г., — и вправду лучше гнилушкам упасть уж совсем, чтобы хоть стройка стала возможна» (с. 175).

Однако в изданных в апреле 1906 г. Основных законах Тихомиров увидел лишь «конец империи» и «полное уничтожение старого строя, без какого бы то ни было нового» (с. 240). Больше всего его угнетало идейное бессилие правительства: «Рождается строй без плана, без идеи, без великих исходных пунктов, без великих целей... Говоря попросту — какая-то “мразь”, нечто с младенчества старческое» (с. 331). В мае он констатировал: «Политические дела, по моему мнению, беспросветны. Горемыкин не более, как мирный “кадет”. Бунтов не хочет, но желает постепенно ввести конституцию. Да, по-видимому, и сам император такой же. Не верит он в царскую власть, да едва ли и понимает её... Ну, а *мирно* ввести конституцию — это задача невозможная. Всё это может только вырастить *революцию*» (с. 247). Политика преемника И.Л. Горемыкина также не вызывала у Тихомирова сочувствия: «Столыпин имеет идею сочинить такое правление, чтобы для народа осталась “форма” царя и вселяла доверие, а в то же время, чтобы царь в действительности не имел власти... Но это ужасная фантазия. Построить государство на фикции!» (с. 282). Накануне 1907 г., не ожидая ничего хорошего, Тихомиров предсказывал, что «если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение». «Но ведь это ещё хуже, чем революция», — заключал он (с. 306–307).

По мере ослабления революции состояние страны оценивалось в дневнике всё более резко: «Правда, все одурели, осатанели, измерзились — весь народ!» (с. 298). По словам Тихомирова, «вопрос, задача состоят, в сущности, в том, чтобы перестать быть дураками, бессовестными негодяями и невеждами». «Ну, какими же способами заставить 100 миллионов человек переломить себя и сделаться порядочными людьми?», — недоумевал он (с. 380). «Мы все опустили в маразм, — сокрушался Лев Александрович, проводя 1907 г., — и только особая милость Божия может спасти нас. Да, пожалуй, времена милости уже окончились, и, может быть, Россия уже отдана на произвол “естественного течения дел”... Возможно, что мы уже дошли до того, что просто “выпущены на волю” — живите, как знаете» (с. 414).

Будучи религиозным человеком, Тихомиров, как ни странно, не находил утешения и в Церкви. Более того, в ней он наблюдал то же, что вызывало у него раздражение в обществе. Духовенство практически не отделялось им от чиновничества: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию» (с. 50). Возмущаясь тем, как «бюрократия» губила страну «для своего торжества», он добавлял: «Совершенно, как попы в отношении Церкви» (с. 161). Вспоминая малочисленную, страдающую, но не сломленную Церковь Апокалипсиса (Откр. 3:7–13), Тихомиров писал: «Где же моя “Филадельфийская Церковь”? Её нет, она там же, где мой “царь”, где мой “народ”, где моя “Россия”... Ничего нет, и над всем нашим “освобождением”, “мировыми целями”, “устроениями” религиозными и гражданскими носится одно слово Божие: “Ты носишь имя, будто ты жив, но ты мёртв!”» (с. 291). В результате возникало ощущение богооставленности. В том, что «Бог нужен, непременно, и Он есть», Тихомиров не сомневался. «Но вот не пойму, где Его голос? — вопрошал Лев Александрович в дневнике. — Как жить с

Ним, как вести Его дело? Я прежде усматривал его в Церкви... но теперь. Церковь окуталась тьмою, не видать ничего ясно, вместо здания — какие-то крутящиеся, рассыпающиеся песчаные смерчи... Не могу разобраться в этой пляске аравийского урагана. Вот когда начинаю понимать настроение покойного Владимира Соловьёва» (с. 376–377).

При этом религиозность Тихомирова имела специфический характер. Толкуя о Божьем Промысле, он сводил его к объективным законам истории, наполнявшим жизнь людей высшим смыслом, который тут же утрачивался, коль скоро текущие события отказывались следовать в заданном русле. А подобная «бесцельная, бессмысленная жизнь» пугала и удручала (с. 221). После Мукдена Тихомиров признавался: «Хочу попробовать говеть, и так тяжело на душе, что почти не могу. Нет молитвы. Душа полна каким-то упрёком против Бога. Неужто нам нет *никакой, никакой* милости?» (с. 66). «Ни луча света не проникает ко мне ниоткуда, и чёрный мрак всё гуще окутывает и удушает меня», — писал Лев Александрович, встречая праздник Крещения Господня в 1906 г. (с. 197). Оправдание давалось ему нелегко: «В моих помышлениях всё-таки господствует забота о *земном* мире, о том, чтобы в людях возникла взаимная любовь, и чтобы никто никого не истреблял... Это, однако, хотя, конечно, и христианская забота, но мне Бог не дал не только способов, но даже личной силы для неё» (с. 135). Соответственно вся общественная и политическая суета оказывалась не только напрасной, но, в сущности, и ненужной: «Я бы хотел одного — *покоя, тишины, безмолвия*... Я бы хотел вдуматься в свою душу, найти Бога не теоретически, а *реально*... И этого-то нет, не даёт мне жизнь! Я бы ещё понял всю эту “деятельность”, если бы её действительно Бог на-

ложил на меня, как что-то *Ему* нужное. Но тогда Он бы давал способы действия... а этого нет, нет и нет» (с. 402).

А.В. Репников объясняет пессимизм Л.А. Тихомирова общим настроением, царившим в то время среди консерваторов (с. 21). Однако сам Лев Александрович всегда дистанцировался в дневнике от правых и редко разделял их радости. Его самосознание было насквозь идеократично, и подлинная трагедия состояла в расхождении между текущей действительностью и тем миром, который Тихомиров теоретически конструировал. «Вечная моя участь — делать “ненужные” вещи! — сетовал он, составляя записку об Основных законах 1906 г. — В сущности — должно быть, я просто фантазёр... Когда-то я воображал, что у меня развито чутьё *реальности*. А между тем всё, что мне кажется реальностью — не заявляет себя существующим, а кажущиеся призраки — всем владеют... И всё-таки не могу же я отказаться от *своего* ощущения?» (с. 363–364). Возможно, «Монархическую государственность» и дневник 1905–1907 гг. следует читать параллельно. Ведь они во многом поясняют друг друга, что позволяет лучше понять их автора, всегда остававшегося интеллигентом — служителем и мучеником идеи. Пожалуй, именно этим объяснялись его переживания и поступки, вызывавшие крутые повороты в судьбе.

Примечания

¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008.

² Красный архив. 1930. Т. 1. С. 20–69; Т. 2. С. 47–75; Т. 3. С. 59–96; Т. 4/5. С. 103–147; 1933. Т. 6. С. 82–128; 1935. Т. 5. С. 120–159; Т. 6. С. 170–190; 1936. Т. 1. С. 162–191; Т. 2. С. 171–184. Подробнее см.: Репников А.В. Предисловие // Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 4–5.